

ждений, — но центр его идейной тяжести заключается не в этомъ. Нравственный смысл пьесы, ея толстовскій духъ — въ указаніи на трагическую вину самого Федя Протасова. Она состоитъ въ томъ, что онъ хотѣлъ избѣгнуть трагедіи, — въ томъ, что онъ хотѣлъ не умереть дѣйствительно, а только сыграть въ смерть. Федя совершилъ двойное кощунство — противъ жизни и противъ смерти. Онъ забылъ, что жизненные узлы не распутываются: ихъ можно только разрубить, — и чаще всего мечемъ смерти, мечемъ Азраила. Въ жизни не можетъ быть благополучія, и нельзя все въ ней устроить къ общему удовольствію, какъ этого желалъ Федя. Онъ рассчитывалъ на внѣшнее: онъ думалъ, что все наладить симуляція самоубійства и что жизненный ларчикъ откроетъ простая механика; между тѣмъ, и реальность, и искусство отъ героя одинаково требуютъ внутренняго усилія, катастрофы, муки. И вотъ, безумное, преступное покушеніе обойти этотъ законъ жизни, перехитрить ее, обойтись безъ страданія, — это и не могло остаться для Федя безнаказаннымъ. Долженъ былъ прійти и подслушать только кажущійся случайнымъ, а на самомъ дѣлѣ подосланный Немезидой Артемьевъ; долженъ былъ въ роковую минуту явиться и дать Федѣ револьверъ этотъ, удивительно намѣченный Толстымъ, полубезумный „геній“ Иванъ Петровичъ. Если бы героемъ былъ Лопуховъ изъ „Что дѣлать?“, тотъ прототипъ, на который указала цыганка, то въ